

На лице Лян Цзинь не дрогнул ни один мускул, но в душе она ликовала. Молодой хозяин долины семьи Фэнь оказался настолько простодушным, что его легко было обвести вокруг пальца. Хотя все, что она сказала, было правдой, и она действительно хотела, чтобы Фэнь Тяньлу был осторожен и не подверг опасности жизнь Фэнь Юньхэ, её истинной целью было отдалить этого человека от своей Шуан.

С довольной улыбкой Лян Цзинь закрыла ворота двора и, обернувшись, увидела Цин Шуан, стоящую во дворе и смотрящую на неё с лёгкой усмешкой.

Цин Шуан слышала каждое слово, сказанное Лян Цзинь Фэнь Тяньлу, особенно фразу «Вчера фея Цин Шуан получила испуг и сейчас отдыхает в своей комнате», которая звучала весьма многозначительно. Она не совсем понимала, почему Лян Цзинь внезапно проявила неприязнь к Фэнь Тяньлу, но находила это поведение странно забавным.

— Почему фея не отдыхает в своих покоях?

Лян Цзинь широко улыбнулась, словно никто и не приходил.

Цин Шуан не обращала внимания на Фэнь Тяньлу, но беспокоилась о ранениях хозяина долины Фэнь Юньхэ. Если с ним действительно что-то случится, она не сможет оправдаться перед жителями долины Фэньцин. Лян Цзинь была для них чужаком, и они вряд ли поверят ей на слово.

Поэтому она согласилась с тем, что сказала Лян Цзинь. Она не стала придирается к мелким хитростям в словах Лян Цзинь, а лишь скользнула по ней взглядом и тихо произнесла:

— Мисс Лян, вы очень предусмотрительны.

Лян Цзинь улыбнулась, явно довольная собой. Хотя слова Цин Шуан были простой вежливостью, она восприняла их как комплимент и была счастлива.

— О где-где, фея слишком расточительна в похвалах!

Увидев это, Цин Шуан рассмеялась и, покачав головой, вернулась в комнату. Поскольку они не могли покинуть долину в ближайшие дни и не имели других дел, они не могли вмешиваться в дела долины. Поэтому, поняв текущую ситуацию, Цин Шуан решила сосредоточиться на практике и наблюдать за развитием событий.

Через два дня Лян Цзинь проснулась утром после медитации и услышала звук меча, рассекающего воздух. Её заинтересовало, и она тихо подошла к окну, чтобы выглянуть наружу. Там она увидела изящную фигуру, танцующую с мечом во дворе.

Цин Шуан держала в руках лазурный меч, и её движения были легкими, но пронизанными холодом, вероятно, из-за её техники. Меч взлетал и опускался, окруженный острыми клинками, и хотя каждый удар был смертельным, издали это выглядело как танец небесной феи, завораживающе красиво.

Лян Цзинь, опершись на подоконник, с улыбкой наблюдала за этой картиной, чувствуя, как её сердце тает. Её Шуан была так прекрасна, даже когда просто тренировалась с мечом.

Внезапно поднялся ветер, и перед Лян Цзинь возникло пятно синего — меч, а вместе с ним и холодный воздух ударил в лицо. Она сузила глаза, но не отступила ни на шаг, даже когда меч остановился в волосок от её лба.

— Подглядывать за тем, как кто-то тренируется с мечом, — невежливо, а смеяться при этом — тем более.

Спокойный, но холодный голос Цин Шуан раздался прямо у неё.

Лян Цзинь моргнула, игнорируя меч, который мог в любой момент лишить её жизни, и, глядя сквозь клинок на холодные глаза Цин Шуан, улыбнулась:

— Если бы фея в третьем приёме сменила колющий удар на подбивающий, а в седьмом — взмах на рубящий, то движение меча стало бы более плавным и свободным.

Ещё раньше, когда она увидела, как Цин Шуан выходит с мечом, она узнала несколько приёмов, которые в прошлой жизни сделали Цин Шуан знаменитой. Этот стиль она танцевала ещё не совсем уверенно, вероятно, это была её новая техника, ещё не отточенная, поэтому в ней были некоторые недостатки.

Лян Цзинь знала всю последовательность зрелых приёмов, поэтому решила дать совет.

Цин Шуан замерла, глядя на улыбающееся лицо Лян Цзинь. Она не могла поверить, что первое, что сказала Лян Цзинь в такой ситуации, было именно это. Её рука, держащая меч, слегка дрогнула, хотя это длилось лишь мгновение, но Лян Цзинь заметила это, и её улыбка стала ещё шире.

Цин Шуан прищурилась, холодно глядя на Лян Цзинь:

— Откуда ты знаешь, что я не убью тебя?

Всего лишь взглянув из окна, она смогла указать на недостатки в её технике. Если Лян Цзинь раньше не видела её меч, то это означало, что её талант в фехтовании был беспрецедентным. Кроме того, этот человек, казалось, знал о ней многое, что вызывало у неё настороженность.

Подозрения, которые она оставила после ночного разговора с Лян Цзинь, внезапно вернулись. Видя, как Лян Цзинь спокойно указывает на недостатки в её технике, будучи уверенной, что она не убьёт её, Цин Шуан на мгновение почувствовала желание убить, но, вспомнив о своем долге перед Лян Цзинь, колебалась.

Лян Цзинь, словно не заметив мелькнувшего в глазах Цин Шуан намерения убить, продолжала улыбаться, открываясь ей беззащитно. Её глаза светились теплым светом:

— Фея держит своё слово. Раз уж вы обещали сделать для меня что-то одно, как сможете убить меня, не выполнив обещания?

Цин Шуан долго молчала, но в конце концов убрала меч. Лян Цзинь видела её насквозь, а она всё больше теряла понимание этого человека.

Она уже размышляла о целях и намерениях Лян Цзинь. Этот человек намеренно сближался с ней, не только рискуя жизнью ради неё, но и даря ей редкие техники. Было ли это связано с Дворцом Цзысяо? Лян Цзинь что-то задумала против Дворца Цзысяо?

Однако на Платформе Цинъюнь Лян Цзинь громко осуждала Янь Бухуэй, что заставило Цин Шуан понять, что её первоначальные предположения были ошибочными. Если бы Лян Цзинь действительно интересовал Дворец Цзысяо, она бы не вела себя так дерзко с Янь Бухуэй.

Если не Дворец Цзысяо, то что же Лян Цзинь хотела от неё?

В глазах этого человека всегда была скрыта какая-то непонятная для неё привязанность, и каждый раз, когда она пыталась разглядеть её, она исчезала.

Лян Цзинь, видя, как любимая хмурится и погружается в думы, поняла, что излишняя настойчивость вызвала её раздражение, и мягко успокоила её:

— Шуан, однажды я расскажу тебе все свои секреты. Тебе не нужно меня опасаться, я никогда не причиню тебе вреда.

Это был первый раз в этой жизни, когда она прямо обратилась к Цин Шуан, назвав её Шуан.

Она перестала смеяться, её выражение стало искренним, а взгляд — честным. Даже Цин Шуан, которая редко кому доверяла, в этот момент почему-то поверила её словам.

Без всякой причины она не могла усомниться в том, что сказала Лян Цзинь. Даже внезапное близкое обращение не вызвало у неё дискомфорта или раздражения.

Цин Шуан долго молчала, не отвечая на слова Лян Цзинь, а затем вернулась во двор и снова начала тренироваться с мечом, изменив третий и седьмой приёмы, как посоветовала Лян Цзинь. Изначально неуверенные движения вдруг стали плавными, и когда она закончила, меч сверкнул, как будто мог расколоть небо и землю.

Цин Шуан остановилась, задумчиво глядя перед собой.

Лян Цзинь вытерла кровь на лбу, скривившись от боли, но, увидев прекрасную спину Цин Шуан, почувствовала облегчение. Она снова смогла назвать Цин Шуан Шуан, и даже если бы рана была в десять раз сильнее, она смогла бы вынести это.

Цин Шуан внезапно обернулась и увидела, как уголки губ Лян Цзинь поднялись, словно у выигравшей лисы. Она растерялась, не понимая, была ли Лян Цзинь искренней или притворялась. Размышлять об этом было утомительно, и, возможно, лучше просто поверить ей.

Она покачала головой, достала из пространственного кольца маленькую бутылочку из белого нефрита и бросила её Лян Цзинь.

Лян Цзинь, услышав звук, обернулась и увидела, как к ней летит бутылочка. Она поймала её и улыбнулась:

— Мазь снежной чистоты.

Это лекарство из Дворца Цзысяо, которое быстро останавливает кровь и заживляет раны. Нанесённое на рану на лбу Лян Цзинь, оно даже не оставит шрама. Цин Шуан была щедра, ведь такая мазь была излишней для такой мелкой раны, но раз уж Шуан подарила её, Лян Цзинь с радостью приняла.